

Посланец Света

Тому, кто впервые встречался с Василием Алексеевичем Липовым, слушал его рассказы, следил за выражением его лица, он казался беззаботным весельчаком. Этаким «счастливецом по жизни». Но люди, знавшие деда Василия не один год, примечали, как в глубине его лукавых глаз нет-нет да и мерцает кристаллик грусти. Да: Василий Алексеевич любил шутку, с охотой смешил окружающих, но жизнь его, особенно в ее первой трети, веселой мог назвать разве что черствый человек.

Подростком Вася Липовой, уроженец Белоруссии, принял участие в партизанском движении. Каких-то особых наград он за это не получил. Зато через несколько лет Родина «отметила» его боевые достоинства черной благодарностью. Василия Липового приговорили к лагерному сроку. За то, что имел прямой характер, мог сказать (и говорил) правду. На свободу он вышел только после смерти Сталина.

По сути, Липовой совершил подвиг. В молодые годы столкнувшись с чудовищной несправедливостью, он не налился злобой на мир и людей, его населяющих. Он всегда был душой компании, хотя на роль лидера никогда не претендовал. И стихи, которые он писал, были светлыми, проникнутыми добротой.

Человек обязательный, Василий Алексеевич этим качеством подчас восхищал и поражал. Помню, как в одну из зим конца 1980-х он пришел на занятие городской литгруппы в тот момент, когда все уже разошлись. И когда его спросили: «Что так поздно?» — он поведал, что снегопад перемел дорогу, автобус из его Черепанова не ходит, поэтому пришлось добираться пешком. (В центр города!)

Для Василия Липового не было ничего невозможного. Из горняка он с легкостью переквалифицировался в

пожарного. Возникла потребность в личном транспорте — изобрел, собрал и освоил удивительный автомобиль. То же самое и с его стихами. Когда-то он писал в основном юмор да сатиру, а в последние лет 15-20 все уверенней заявлял о себе как лирик.

Это очень непривычно: говорить о Василии Алексеевиче в прошедшем времени. Но — приходится... Старейший поэт Киселевска ушел из жизни. Обычно в таких случаях говорят: «Ему бы еще жить да жить!» А я добавлю: «И писать да писать!» Потому что уверен: и в сто лет Липовой продолжал бы сочинять хорошие стихи. Он без сочинительства не мог. Причем на бумагу он переносил уже готовые вещи. Черновики, испещренных авторской правкой, он почти не имел. Стихи, рожденные в голове поэта, в ней же и шлифовались, переделывались. Оттого и знал Василий Алексеевич все свои стихи наизубок, мог любой прочитать по памяти.

Еще одним прекрасным горожанином стало меньше. Узнал об этом — и не смог представить его неживым. Потому что таких, как Липовой, «живчиков», на моем пути встречалось немного. И как-то сами собой родились вот эти, без претензии на «высокий штиль», строки:

*Остановило время бег.
Изменим что-то мы едва ли...
Ушел хороший человек
в иные,*

*неземные дали.
Там солнца нет. И нет луны.
Там корни с неба прорастают
и нескончаемые сны
один в другом неслышно тают.
Но даже там, в Небытие,
хватились:*

*«Нет у нас поэта!»
И он с тетрадкой своей
ушел во мрак посланцем Света.
Сергей ГРУЩАНСКИЙ.*